
ВАЛЕРИЙ СНАТКИН
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР
ИСТОРИК. ТОМ 1

Валерий Снаткин

Возвращение в СССР: Историк. Том 1

https://litres.ru/74732348
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать обычному учителю истории из 2026 года, если он заснул в своей московской квартире, а проснулся на рассвете 21 июня 1941 года? Вокруг — мирная советская погранзастава у реки Буг, в кармане гимнастерки — документы рядового, а на отрывном календаре — суббота. Последняя мирная суббота в истории страны.

У Олега нет с собой оружия будущего, ноутбуков или спецназовских навыков. Но у него есть абсолютная память историка. Он до минуты знает, как начнется эта война. Он помнит направления главных ударов вермахта, фамилии предателей и роковые ошибки командования. До первых разрывов немецких снарядов осталось меньше суток. Начальство считает его сумасшедшим, а враг уже разворачивает орудия у границы.

Успеет ли простой учитель переписать историю первого дня катастрофы? И сможет ли один человек прожить с этой страной долгие 50 лет, чтобы в итоге спасти СССР от гибели?

В первом томе: оборона заставы, прорыв из окружения и первый шаг на пути к Кремлю.

Содержание

Дисклеймер 5
ГЛАВА 1. СУББОТА 6
ГЛАВА 2. СВОЙ СРЕДИ СВОИХ 11
Глава 3. СЛОВО РЯДОВОГО 15
ГЛАВА 4. КАРТА НА СТОЛЕ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Валерий Снаткин
Возвращение в СССР: Историк. Том 1

Дисклеймер

Данная книга является художественным вымыслом в жанре альтернативной истории и фантастики. Все персонажи, события и диалоги являются плодом воображения автора либо творчески переосмыслены. Любое совпадение с реальными именами, живыми или умершими людьми, а также подлинными историческими событиями носит исключительно случайный характер или служит для создания художественного антуража. Автор не ставит перед собой цель исказить исторические факты, не занимается пропагандой каких-либо идеологий и выражает исключительно личный творческий взгляд.

ГЛАВА 1. СУББОТА

Последнее, что я помнил из своего ноября 2026 года — это противный, липкий холод московского вечера, тусклый свет фонарей над Амурской улицей и тяжелый, удушливый кашель. Мне тридцать пять, я обычный преподаватель истории в лицее, и обычный грипп этой осенью почему-то свалил меня с ног за три дня. Я помнил, как закрыл глаза в своей однушке под завывание ветра за окном. Память историка — штука цепкая, она хранит тысячи дат, но момент, когда моё сознание провалилось в темноту, я не зафиксировал.

А проснулся я от того, что кто-то бесцеремонно, грубо тряс меня за плечо.

— Горячев! Да вставай же ты, холера твоя бери! Твоя очередь за водой идти к колодцу. Старшина увидит, что дрыхнешь после побудки — из нарядов не вылезешь!

Я судорожно вздохнул, закашлялся и сел. Легкие обожгло густым, махорочным дымом. Голова раскалывалась так, словно по ней ударили обухом.

Я огляделся. Никаких обоев из Леруа Мерлен. Никакого ноутбука на прикроватной тумбочке. Я сидел на жестких деревянных нарах. Вокруг тянулся длинный бревенчатый блиндаж, пахнущий дегтярным мылом, свежей стружкой, застарелым потом и дешевым табаком. Напротив меня стоял невысокий, вихрастый парень лет девятнадцати в чи-

стом нательном белье. В руках он держал помятое алюминиевое ведро.

— Ты чего зенки вылупил, Тёма? — парень хмыкнул, протягивая мне ведро. — Совсем тебя вчера бревном на строительстве капонира приложило? Говорил лейтенант — надень каску. Ладно, давай шустрее.

Я молча опустил ноги на земляной пол. На грубо сколоченной табуретке рядом лежала аккуратно свернутая гимнастерка из защитного х/б, портупея и темно-зеленые пограничные фуражки. С малиновым околышем. Пограничные войска НКВД СССР.

Взгляд скользнул по стене возле массивной дубовой двери. Там висел простенький отрывной календарь. Я замер, чувствуя, как сердце пропускает удар, а спина покрывается ледяным потом.

Крупная черная цифра «21». И чуть выше, строгими типографскими буквами: **«Июнь 1941 года. Суббота»**.

«Этого не может быть. Это бред, галлюцинация, предсмертный сон от высокой температуры», — бешено заколотилось в голове. Я подскочил к небольшому мутному зеркалу, висевшему у рукомойника.

Из стекла на меня смотрел чужак. Парень лет двадцати. Кожа гладкая, без моих привычных морщин у глаз, короткий армейский ежик волос, узкий подбородок. Но взгляд… взгляд остался моим. Тяжелым, взрослым, тридцатипятилетним взглядом человека, который знает, что будет дальше.

Я — Олег Воронцов, учитель истории. И я прямо сейчас нахожусь на советской пограничной заставе у реки Буг. В теле рядового Артема Горячева.

И сегодня суббота. 21 июня.

Я медленно натянул сапоги, взял ведро и вышел на ули-

цу, чтобы не вызывать подозрений. Солнце только поднималось над лесом. Воздух был невероятно чистым, пахло сосной и речной свежестью. Вокруг кипела мирная, размеренная жизнь заставы. Чуть дальше, у коновязи, боец чистил лошадь, тихо напевая «Три танкиста». У дверей канцелярии стоял лейтенант — молодой, подтянутый, с кубарями в петлицах. Начальник заставы. Он о чем-то спокойно разговаривал со старшиной.

Мир спал. Страна жила предвкушением выходного дня. Люди собирались в кино, строили планы на воскресенье, писали письма домой.

А у меня в голове, словно напечатанный в учебнике, стоял страшный, поминутный график.

«21 июня, 21:00. Немецкие диверсанты из полка "Бранденбург-800" начнут перерезать линии связи в советском тылу. 22 июня, 00:30. Немецкий перебежчик Альфред Лисков переплывет Буг и сообщит о нападении. 22 июня, 03:45. На советские города и заставы обрушится огненный вал артиллерии. Группа армий "Центр" начнет переправу. Данная застава примет удар передовых частей 45-й пехотной дивизии вермахта. Время жизни заставы по немецким планам — двадцать минут».

Я зачерпнул ледяной воды из колодца, едва сдерживая дрожь в руках. Вода обожгла лицо, но наваждение не исчезло. Это был не сон. Вокруг была звенящая, осязаемая реальность. У меня не было с собой автоматов из будущего, раций

или бронежилетов. Но у меня было кое-что посильнее. Полная, детальная карта этой катастрофы в голове.

До первых взрывов оставалось меньше двадцати четырех часов. Начальство наверняка сочтет меня сумасшедшим или немецким провокатором, если я приду и скажу: «Завтра война». Но сидеть сложа руки я не имел права. Я обязан был заставить эту заставу окопаться. Обязан был перенести пулеметы из стационарных дотов, координаты которых немецкие артиллеристы уже вписали в свои полетные карты.

Я выпрямился, до боли сжав дужку алюминиевого ведра. Обычный учитель истории из Чертаново принял свое первое решение в этом новом, страшном мире.

«Ну что ж, товарищи гитлеровцы, — подумал я, глядя в сторону невидимой за лесом реки Буг. — Вы думаете, что заставы не станет за двадцать минут? Посмотрим. Мы еще очень сильно посмотрим, кто кого».

ГЛАВА 2. СВОЙ СРЕДИ СВОИХ

Тяжелое алюминиевое ведро оттягивало руку, расплескивая ледяную воду на начищенные до блеска голенища сапог. Я шел по утоптанной дорожке заставы, жадно впитывая каждую деталь. Вокруг пахло мирной субботой: из кухни доносился сытный аромат пшенной каши со шкварками, двое бойцов у конюшни со смехом перекидывались шутками, а на спортивной площадке крутился на турнике молодой сержант. Они все жили обычным, ленивым июньским утром. И никто из них не знал, что эта земля уже проклята и приговорена немецким штабом.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь блиндажа и шагнул в полумрак казармы. Мой утренний «будильник» — тот самый вихрастый парень — уже натянул гимнастерку и теперь тщательно наматывал портянки. На его тумбочке лежало письмо, выведенное неровным почерком на тетрадном листе.

— Чего так долго, Тёма? — он поднял голову и улыбнулся, обнажив щербину между передними зубами. — Ну-ка дай глотнуть.

— Держи, — я поставил ведро на деревянную подставку у рукомойника. Память тела рядового Горячева медленно оживала в моей голове, подбрасывая имена. Этого парня звали Колька Григорьев. Мой земляк, призывался из-под

Тамбова. Простой, открытый деревенский парень, который мечтал после армии вернуться в колхоз и жениться на своей Нюрке. В моей реальности Колька погибнет завтра в 04:20 от осколка мины, прямо на пороге этой казармы.

Я сел на нары рядом с ним и начал медленно одеваться, привыкая к жесткой ткани советской формы. Портупея легла на плечо непривычно тяжело.

— Коль, — тихо позвал я, оглядывая пустеющий блиндаж (остальные бойцы уже ушли на завтрак). — Ты в приметы веришь?

— В какие еще приметы? — Колька утерся рукавом после глотка воды. — Ты брось, Горячев. Если комсорг услышит — заставит Устав учить до отбоя.

— Да я не про бабские сказки, — я наклонился ближе, сделав голос максимально серьезным. — Понимаешь… Бабка у меня в деревне сны умела разгадывать. И мне сегодня ночью такой сон приснился — до сих пор зубы сводит. Будто сидим мы ночью в секрете у реки, а из воды черные тени лезут. Не в нашей форме. По-немецки шепчут. Проволоку колючую режут и столбы телефонные пилят.

Колька замер с сапогом в руках. В СССР 1941 года к «немецкой угрозе» относились со смесью комсомольской бравады и глухого, подсознательного страха. Официально — у нас пакт о ненападении. Неофициально — все всё понимали.

— Ты это… потише, Тём, — Колька опасливо зыркнул

на дверь. — За такие разговоры особист из отряда быстро путевку в тыл выпишет. Какие тени?

— Диверсанты, Коля, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза тридцатьпятилетним, жестким взглядом учителя, который точно знает финал. — Настоящие немецкие егеря. Напялят наши зеленые фуражки или форму связистов, полезут через Буг в темноте. Первым делом они обрежут провода на отряд, чтобы лейтенант подмогу вызвать не мог. А в четыре утра их артиллерия начнет нас с землей ровнять.

Колька сглотнул. Мой тон совершенно не вязался с поведением прежнего, легкомысленного Тёмки Горячева, которого вчера приложило бревном.

— И что ты предлагаешь? — уже без прежней улыбки спросил он.

— Ночью мы с тобой в наряд идем, на дальний стык у рощи? — я вспомнил график нарядов, который мельком видел вчера. Колька кивнул. — Так вот. Возьмем с собой не по два магазина, а сколько в карманы влезет. И гранат у каптерщика выпросим, скажем, что барсуков в овраге глушить будем или лису видели. А главное — провода связи. Если увидим ночью чужаков у столбов — стрелять без предупреждения. Нам заставу спасать надо, Колька. Жить хочешь?

Григорьев молча смотрел на меня, и в его глазах обычный деревенский страх сменялся суровой армейской решимостью. Он медленно кивнул.

— Ладно, Тём. Хрен с ним. Если это просто сон — с меня махорка. А если нет… — Колька не договорил, хмурого застегивая портупею. — Пошли на плац, скоро развод. Лейтенант сегодня злой, из комендатуры новости нехорошие идут.

Я встал, поправил зеленую фуражку с малиновым околышем и похлопал друга по плечу. Первый союзник у меня появился. Теперь оставалась самая сложная задача этой субботы — подобраться к лейтенанту и заставить его поверить, что мирное небо над нашими головами разобьется в дребезги ровно через двадцать часов.

Глава 3. СЛОВО РЯДОВОГО

На плацу перед одноэтажным зданием канцелярии застава замерла в строю. Пятьдесят человек — монолит защитного цвета, тусклый блеск штыков трехлинеек, зеленые фуражки, выровненные как по шнуру. Июньское солнце уже припекало, обещая жаркий день. Пахло гуталином, нагретым металлом и сосновой смолой от свежих брёвен оборонительного капонира.

Начальник заставы, лейтенант Алексей Сиротин, медленно шел вдоль строя. Лицо его, обычно спокойное и подтянутое, сегодня казалось серым от усталости. Под глазами залегли темные тени — из комендатуры всю ночь шли тревожные шифровки о маневрах на сопредельной стороне, но официальный приказ гласил: *«На провокации не поддаваться»*.

Старшина заставы, усатый сверхсрочник с грозным голосом, заканчивал зачитывать наряды на сутки:— …в боевое охранение на стыке у речной рощи назначаются рядовой Григорьев и рядовой Горячев! Начало дежурства — двадцать два ноль-ноль. Вопросы?

В строю царила уставная тишина. Колька Григорьев, стоявший рядом со мной плечом к плечу, едва заметно толкнул меня локтем. Его дыхание было неровным.

Я понимал, что сейчас — мой единственный шанс. Обычный рядовой не может просто так прийти в канцелярию к

лейтенанту с рассказами о будущем. Меня сразу скрутит особист. Действовать нужно было нагло, ломая шаблон, пользуясь тем, что лейтенант Сиротин был человеком мыслящим и берег каждого бойца.

Я сделал глубокий вздох, чеканя шаг, вышел из строя на два шага вперед и вскинул руку к козырьку:— Товарищ лейтенант! Рядовой Горячев. Разрешите обратиться лично! Имею срочные сведения государственной важности по охране государственной границы!

По строю прошел тихий, едва слышный выдох. Старшина побагровел, его усы дернулись:— Рядовой Горячев! Встать в строй! Совсем вчера бревном башку отшибло? Какие еще сведения?!

Но лейтенант Сиротин поднял руку, останавливая старшину. Его острый, цепкий взгляд впился в мое лицо. Он искал признаки паники, дурости или симуляции, но наткнулся на мой холодный, абсолютно спокойный взгляд тридцатипятилетнего аналитика из 2026 года. Такими глазами девятнадцатилетние пацаны на заставе не смотрели.

— Отставить, старшина, — негромко, но отчетливо произнес Сиротин. Он подошел ко мне почти вплотную. — Какие сведения, рядовой Горячев? Говорите кратко.

Я вытянулся в струну, глядя прямо в глаза командиру, и заговорил твердо, так, чтобы слышал только он:— Товарищ лейтенант. Ровно в двадцать один ноль-ноль на нашем участке начнется заброска диверсионных групп противника. Цель

— под видом советских связистов перерезать телефонный кабель на отряд и взорвать мост ниже по течению. Перебежчик с той стороны подтвердит это ближе к полуночи. А ровно в ноль четыре пятнадцать утра их артиллерия откроет огонь прямой наводкой по нашим стационарным дотам. Они пристреляны, товарищ лейтенант. Заставе нужно сменить позиции пулеметов и подготовить скрытные ложные точки. Иначе нас сожгут за двадцать минут.

На плацу повисла такая мертвая тишина, что было слышно, как жужжит шмель у коновязи. Старшина схватился за кобуру нагана, решив, что перед ним сумасшедший провокатор. Бойцы в строю замерли, не веря своим ушам. Колька Григорьев за моей спиной почти перестал дышать.

Лейтенант Сиротин не отвел взгляда. Несколько секунд его лицо оставалось каменным. Любой другой офицер уже приказал бы запереть меня на гауптвахту до приезда конвоя НКВД. Но Сиротин сам всю неделю наблюдал в бинокль, как немцы на том берегу стягивают понтоны и строят ложные мирные декорации. Мои слова попали точно в его подсознательные страхи.

— Сержант! — резко бросил лейтенант, повернувшись к командиру первого отделения. — Заставу — на плановые занятия по тактической подготовке. Старшина — за мной. Рядовой Горячев — шаг марш в канцелярию! Будем разбираться, откуда у вас такие… «сведения».

Я опустил руку от козырька. Первый и самый опасный шаг

был сделан. Меня не скрутили на месте. Теперь в закрытой канцелярии мне предстояло дать главный бой этой субботы — выиграть разум своего командира и переписать сценарий завтрашнего разгрома.

ГЛАВА 4. КАРТА НА СТОЛЕ

В канцелярии заставы пахло нагретым деревом, чернилами и дешевым сукном. Солнечный луч, пробивавшийся сквозь дощатые ставни, высвечивал мириады пылинок, кружащих над массивным столом. На нем лежала развернутая топографическая карта участка границы.

Лейтенант Сиротин запер дверь на засов, повернулся ко мне и тяжело оперся кулаками о стол. Старшина встал у двери, хмуро заложив руки за спину. В руке он сжимал блокнот, но карандаш пока не вытаскивал.

— Ну, Горячев, — тихо, но с угрозой в голосе произнес лейтенант. — Мы одни. Теперь говори, да так, чтобы я тебе поверил. Если ты паникер или немецкий засланец, до вечера не доживешь. По закону военного времени…

— Военное время наступит завтра в ноль четыре пятнадцать, товарищ лейтенант, — спокойно перебил я его и сделал шаг к столу. — Разрешите?

Сиротин молча кивнул, не сводя с меня цепкого взгляда.

Я наклонился над картой. Память историка XXI века выдала точные топографические привязки, которые я изучал по рассекреченным архивам Минобороны. Я уверенно ткнул пальцем в изгиб реки Буг чуть южнее нашей заставы.

— Смотрите сюда, товарищ лейтенант. Вот эта отметка «Красная роща». На том берегу — густой кустарник и ста-

рая просека. Немцы уже сосредоточили там штурмовые лодки 45-й пехотной дивизии вермахта. Основной удар они нанесут не в лоб заставы, а вот здесь, в обход правого фланга, чтобы отрезать нас от шоссе на Брест.

Сиротин резко втянул воздух. Его палец скользнул по карте в указанную мной точку.— Откуда… откуда у рядового такие данные о дислокации частей вермахта? — его голос дрогнул. — Это же секретная информация!

— Я знаю больше, товарищ лейтенант, — я посмотрел ему прямо в глаза. — Наша застава оборудована тремя дерево-земляными точками. Две из них — вот эта и эта — пристреляны немецкими батареями из района Тересполя еще неделю назад. В ноль четыре пятнадцать первые же залпы накроют их прямой наводкой. Если пулеметы останутся там, через пять минут боя у вас не будет половины личного состава.

Старшина сзади шумно выдохнул:— Товарищ лейтенант, да он бредит! Откуда пограничнику знать планы немецкой артиллерии?

— Молчать, старшина! — рявкнул Сиротин, не оборачиваясь. Лейтенант был блестящим выпускником пограничного училища и прекрасно понимал: то, что я говорю, чертовски логично с точки зрения военной тактики. — Продолжай, Горячев. Что ты предлагаешь?

— Срочно, под видом учений, перенести станковые пулеметы на двести метров левее, в овраг. Там мертвая зона для

их артиллерии, оттуда мы сможем резать немецкую пехоту во фланг, когда они начнут переправу. В старых дотах оставить ложные макеты. И главное — кабель связи. Ночью диверсанты «Бранденбурга» перережут провод вот в этом перелеске. В девять вечера мне и Григорьеву нужно быть там в засаде. Мы перехватим их до того, как они изолируют заставу.

Сиротин долго смотрел на карту, переводя взгляд с условных обозначений на мое суровое, сосредоточенное лицо. В его душе шла страшная борьба между Уставом и офицерским чутьем, которое кричало, что этот странный рядовой говорит чистую правду.

— Хорошо, — наконец глухо произнес лейтенант. — Объявляю скрытную боевую готовность. Официально — проводим ночные тактические учения. Старшина, пулеметы переместить, как сказал Горячев. Ложные позиции замаскировать. Горячев, в двадцать один ноль-ноль пойдешь в секрет на провод связи лично со мной и Григорьевым. Если ты соврал… я сам тебя расстреляю.

Время до вечера пролетело как один миг. На заставе кипела скрытная, лихорадочная работа. Солдаты таскали тяжелые «Максимы», матерились под нос, но приказ выполняли.

Двадцать два ноль-ноль. Ночь опустилась на реку Буг, темная, глухая, безлунная. Воздух был неподвижен, пахло сыростью и прибрежной травой.

Мы втроем — я, лейтенант Сиротин и Колька Григорьев

— лежали в густых зарослях папоротника прямо у основания деревянного столба, на котором крепился телефонный кабель, уходящий в сторону комендатуры. В руках у меня была зажата трехлинейка с примкнутым штыком. Пальцы до боли сжимали холодное дерево ложи. Колька рядом тяжело и часто дышал. Сиротин замер справа, держа наготове ТТ.

Тишина была гнетущей, нарушаемой только далеким криком ночной птицы. Прошел час. Сердце стучало в груди как сумасшедшее. Неужели история пойдет по другому пути? Неужели я ошибся в расчетах?

И вдруг со стороны реки, из темноты перелеска, донесся едва слышный, чужеродный звук. Тихий, аккуратный щелчок металла о металл. А вслед за ним — едва различимый шорох шагов по мокрой траве и короткий, гортанный шепот на немецком языке.

Они шли. Диверсанты были здесь.

Лейтенант Сиротин медленно повернул голову ко мне, и в темноте я увидел, как округлились от шока его глаза. Мой прогноз сбылся.

Я медленно поднял винтовку, ловя в прицел смутную темную тень, приближающуюся к столбу связи с длинными ножницами в руках…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.